

АЛЛА БЕЛОЛИПЕЦКАЯ

КРЕСТ И КЛЮЧ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Художественное оформление *В. Давлетбаева*

Белолипецкая, Алла.
Б43 Крест и ключ: [роман]/ Алла Белолипецкая. – Москва:
Издательство АСТ, 2026. – 448 с.

ISBN 978-5-17-186362-3

Декабрь 1939 года. Загадочный убийца решает воспроизвести в Москве наводящие ужас казни прошлого. И при выборе мест расправы он соблюдает строгую систему. Так чего же он хочет этим добиться? Выяснить это должен будет Николай Скрябин, следователь проекта «Ярополк»: сверхсекретного подразделения в составе НКВД СССР, специализация которого – расследование преступлений, не поддающихся рациональному объяснению. Но сумеет ли Скрябин остановить палача-имитатора? Как в мистический круговорот происходящих событий окажется вовлечен Михаил Булгаков? И что будет означать постоянно всплывающий в этом деле символ: то ли крест, то ли ключ?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186362-3

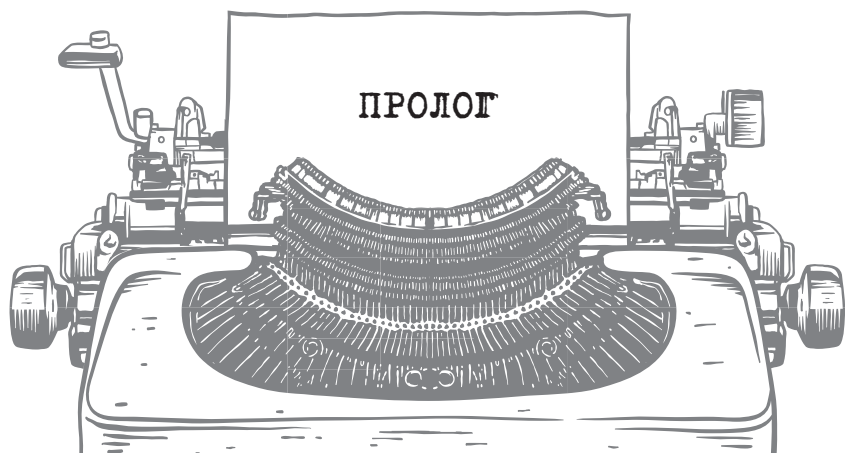
© Белолипецкая А.2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

...колдовству, как известно, стоит только начать, а там уж его ничем не остановишь.

Михаил Булгаков.
«Мастер и Маргарита».

Некогда люди были одержимы бесами, сейчас они не менее одержимы идеями.

Карл Густав Юнг.
«Психологический комментарий
к Тибетской книге о Великом Освобождении».

4 июля 1936 года. Суббота
Кучино. Московская область

— 1 —

Для своей вылазки Николай Скрябин прихватил из дому подаренный отцом цейссовский бинокль. И сейчас, вооружившись им, сидел в развилке старого тополя, что рос на пригорке за оградой дачной коммуны Глеба Ивановича Бокия, руководителя проекта «Ярополк»: самого засекреченного подразделения в составе Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Всего несколько дней назад, после окончания вечерних курсов ГУТБ, Коля получил звание младшего лейтенанта госбезопасности. И в этом звании ему, девятнадцатилетнему студенту юридического факультета МГУ, предстояло проходить на Лубянке летнюю практику. Но сейчас юноша сменил новенькую, с иголочки, форму НКВД на белую рубашку с коротким рукавом, парусиновые брюки и матерчатые туфли на резиновой подошве.

Субботний вечер четвёртого июля подходил к концу, и гости — числом около трёх десятков — давно уже съехались на дачу комиссара госбезопасности 3-го ранга Бокия.

Небо потемнело, и на нём загорелись крупные точки звёзд: яркие, словно лампы над театральной декорацией.

Но, будто в противовес звёздному свету, все огни в большом, в два этажа, бревенчатом доме Бокия внезапно погасли. И территория пресловутой «коммуны» погрузилась в сумрак. Видно было только, как над приземистым строением в дальнем конце усадьбы, явно — баней, курился сизый дымок. Его полоса бороздила вечернее небо, поднимаясь вертикально вверх.

А затем двери двухэтажного особняка распахнулись.

Коля, прильнувший к окулярам бинокля, сперва почти ничего не видел из-за темноты. Но потом проблема с освещением была частично решена: один за другим на крыльцо стали выходить люди, каждый из которых держал в руках по большой свече. Скрыбин отметил про себя, что сделаны эти свечи из чёрного глянцевого вещества.

— Ну, конечно... — Он хмыкнул. — Ясно теперь, почему отец не хотел, чтобы я ездил сюда. Боялся, я пойму, что это за культ *приближения к природе* здесь практикуют!

И Николай продолжил наблюдение.

Он видел, что силуэты выходящих во двор и становящихся в шеренгу граждан отсвечивают в сумерках белым. Гости Бокия уже максимально *приблизились к природе*: сбросили с себя всю одежду — благо, тёплая летняя ночь это позволяла. Лица идущих казались Коле белёсыми облачными пятнами, зато он явственно видел очертания голых спин, плеч, ягодиц, ног и рук. Впрочем, полностью обнажёнными шли только женщины; у мужчин вокруг бёдер намотаны были какие-то лоскуты материи — нечто вроде первобытных набедренных повязок. А у субъекта, который замыкал процессию, на чреслах красовалось некое подобие шотландского килта — но не клетчатого, а чёрного.

— А вот и сам мэтр церемоний! — почти в полный голос произнёс Николай; в *шотландце* он моментально узнал Глеба Ивановича Бокия.

И, едва Бокий появился на крыльце, граждане с чёрными свечами тут же двинулись в сторону топившейся бани. Друг за дружкой мужчины и женщины проходили в её невысокую дверку, а последним вошёл, пригнув голову у порога, высокий хозяин дома. И тотчас же банная дверка захлопнулась.

Коля следил за баней ещё с четверть часа: выжидал. Однако никакого нового шевеления разглядеть не мог. Так что он отвёл бинокль от лица — повесил его на шею. А затем ловко, как белка, спустился с тополя на землю. И встал у дерева, призадумавшись.

Да, конечно, он мог бы отбросить блажь: довольствоваться тем, что уже увидел. Воротиться восвояси. Но была ведь и другая возможность... Не менее минуты Николай размышлял: ерошил волосы на затылке, тербил ремешок бинокля, покусывал изнутри щёку. А затем коротко выдохнул — принял решение. Не мог он оставить эту загадку разгаданной не до конца. Не освободиться от любых сомнений. Ну, никак не мог.

— 2 —

Перебраться через забор, который огораживал усадьбу Бокия, оказалось не таким уж простым делом. Мало того, что ограда, выложенная из бетонных панелей, имела больше двух метров в высоту, так ещё и поверх неё в несколько рядов натянули колючую проволоку. И выручило младшего лейтенанта госбезопасности лишь то, что прямо возле ограды лежал кусок брезента, будто специально кем-то оставленный. Коля поднял его и попытался набросить поверх проволоки. Но, несмотря на свой рост под метр девяносто, сделать это *простым* способом ему не удалось. Чуть сощутив глаза, Скрябин предпринял вторую попытку — и на сей раз кусок брезента словно бы сам собой распластался в воздухе, как парящая на восхо-

дящем потоке птица. А затем аккуратно лёг на стальные колючки.

— Вот так-то! — Николай, довольный собой, тихонько рассмеялся, а потом вытянул из брюк ремень и — снова помогая руке взглядом — закинул его наверх; латунная пряжка надёжно зацепилась за проволоку рядом с брезентом.

Полдела было сделано. Попеременно перехватывая ремень руками и переступая ногами по бетонному ограждению, Скрябин полез наверх, перебрался через проволоку по брезентовому настилу и спрыгнул наземь. После чего перекинул ремень на внутреннюю сторону ограды: иного пути для отхода у него явно не намечалось.

Затея его могла закончиться очень плохо уже в первые минуты — если бы коммунары догадались выставить часовых. Но — на казённые дачи сотрудников НКВД незваные гости обычно не заглядывали, и товарищ Бокий явно утратил бдительность. Коля беспрепятственно прошёл по пустому двору, миновал большой двухэтажный дом и прильнул к окошку бани, источавшей влажное тепло.

Окно запотело изнутри, и сквозь стёкла ничего было не разглядеть. Однако вскрики и пыхтение, доносившиеся до слуха Николая Скрябина, не оставляли сомнений в том, какие именно дела творятся в парилке. Младший лейтенант госбезопасности невольно ухмыльнулся, подумав: «Ну и ну! Значит, прав был папа...» Но затем недвусмысленные звуки вдруг прекратились — стихли в одну минуту. И — послышался удар в гонг.

— Похоже, у них там ещё что-то готовится, — беззвучно прошептал Коля.

Догадка его тут же подтвердилась.

Сначала мужской голос — Бокия, по всей видимости, — забубнил что-то на одной ноте; различить слова не представлялось возможным. Потом уже два голоса одновременно — мужской и женский — начали монотонно произносить слова, и сдвоенность звучания позволила

Скрябину разобрать странную тираду: «Я пью из тамбурина, я ем из цимбал, я посвящён в обряд».

«Принимают неофитов», — понял Николай. Его сомнения в том, что за действие разыгрывает на своей даче комиссар госбезопасности 3-го ранга, развеялись полностью.

Оставалось уточнить одну-единственную деталь. И Коля, отойдя от окошка бани, зашагал к опустевшему — как он надеялся — дому.

— 3 —

Из просторной прихожей распахнутые двойные двери вели в столовую — где как будто попировало дикарское племя. На длинном обеденном столе там и сям валялись перевёрнутые тарелки. Несколько фужеров из-под вина лежало на боку, и от них расплзались по белой скатерти кровавого оттенка пятна. Блюда, на которых выкладывали различную снедь, загажены были теперь окурками и объедками. Но среди всего этого безобразия Коля разглядел-таки то, что ему было нужно: стоявшие на треугольной подставочке солонку, перечницу и баночку с горчицей. Вытряхнув из солонки на ладонь несколько крупинок белого вещества, Николай попробовал их языком и удовлетворённо кивнул: то был самый настоящий, неподдельный, хлорид натрия. Попросту говоря — поваренная соль.

— Кооператив шарлатанов... — прошептал Коля и, отряхнув ладони, направился уже к распахнутым дверям столовой.

И тут его взгляд непонятным образом потянуло в сторону. Юноше померещилось: его ударила в висок невидимая ледяная дробинка, заставив повернуть голову — посмотреть туда, где на низком серванте у стены, метрах в двух от стола, красовался сосуд.

Николай ещё до этого глянул на него мельком — едва только сюда вошёл: приметная то была вещица. Размером с небольшую круглую салатницу, диковинный ме-

таллический сосуд стоял на четырёх ножках в виде когтистых птичьих лап. А сверху его наподобие небольшого шатра венчала крышка, на которой вместо ручки имела рука: в рыцарских латах, чуть согнутая в локте, сжимающая обнажённый меч. Из какого металла псевдо-салатницу изготовили, Коля не понял. Сперва он решил: это чёрное серебро. Но нет: чёрный цвет сосуда выглядел глубоким и каким-то *тяжёлым*. Так что Скрябину пришли на память затейливые чугунные предметы казлинского литья.

Но изначально, войдя сюда, Николай отвлёкся на другое — не рассмотрел сосуд с *рыцарской* крышкой как следует. Слишком поглощён был мыслью, что нужно произвести проверку относительно соли. А теперь младший лейтенант госбезопасности заметил деталь, которая при первом, мимолётном взгляде от его внимания ускользнула.

На нижней части четырехногой чаши, примерно там, куда указывал локоть согнутой рыцарской руки, располагался слегка выступавший над поверхностью барельеф. Он походил на схематичное, с острыми углами, изображение ключа с крестообразной бородкой. Или — на изображение креста с двумя перекладинами, нижняя из которых оказалась наполовину отломлена. А ещё, пожалуй, барельеф смахивал на строчную латинскую «t» — только с хвостиком, повернутым влево, а не вправо.

Коля сам не заметил, как поднял руку, потянулся к чёрной чаше и коснулся странного барельефа подушечками двух пальцев: указательного и среднего. Впрочем, он тут же пальцы и отдернул: ему почудилось, что его не сильно, но вполне ощутимо ударило электрическим током. Но то не был электрический разряд. Николай понял это, когда пригляделся к чаше: вся она мелко-мелко вибрировала, как если бы внутри неё беззвучно бесновался пчелиный рой. А ещё — в жаркий июльский вечер стенки чёрного сосуда почему-то оставались холодными, словно его извлекли из студёного подпола.

Но обдумать, в чём была причина этого, младший лейтенант госбезопасности не успел. Из прихожей вдруг донеслись шаги: неуверенные, шаркающие и как будто запинающиеся. «Вот я и дождался!..» — мелькнуло у Коли в голове, и взгляд его метнулся к окну, которое оставили настежь открытым. Однако до него было метра три-четыре, и Скрябин даже не попытался преодолеть их: мгновенно понял, что не успеет. В столовую уже входил, покачиваясь, полностью обнажённый гражданин — не нацепивший и набедренной повязки: лысоватый, среднего роста, с неопределёнными чертами круглого лица. Его бледное дебелое тело покрывали крупные капли испарины, а глаза он щурил так, что веки превратились в две короткие прямые линии. Впрочем, хоть и подслеповатыми глазами, а вошедший сразу же устоялся на Николая Скрябина.

— Ты кто? — спросил голый субъект; он стоял в дверях, слегка покачиваясь и держась одной рукой за прилобку, а слова произносил так, будто рот его был набит манной кашей.

— А ты кто?

Этот вопрос и в самом деле заинтересовал Колю. Ему показалось, что стоявшего в дверях человека он прежде где-то уже встречал. Но, конечно же, не в таком — *приближённом к природе* — обличье. Да и наверняка обычно тот носил очки с толстыми стёклами — способные изменить внешность почище любой маски. Так что теперь младшему лейтенанту госбезопасности никак не удавалось вспомнить, кем был этот субъект.

— Я — Фурфур, — с гордостью отвечивал голый.

— Кто-кто? — переспросил Коля.

— Фурфур, великий граф, — с пьяным достоинством повторил человек в дверях. — Послан сюда мастером Леоном за новой порцией еды и напитков.

Николай — в первый раз при упоминании Фурфура решивший, что ослышался, — едва не поперхнулся подавленным смехом. Кто такой Фурфур, он знал великолепно. В ста-

ринных трактатах по демонологии этого зловредного и вечно лгущего демона изображали в виде огромного крылатого оленя с пламенеющим хвостом и ветвистыми рогами. Ну, то есть, рога-то у Колиного собеседника, возможно, имелись — если он ездил в гости к Глебу Ивановичу вместе с женой; но от этого на оленя он всё равно не походил. Что же касается *мастера Леонарда* — то имя это окончательно утвердило Колю в его подозрениях. Описание ритуалов шабашей он тоже читал. При проведении подобных мероприятий люди со свечами чёрного воска в руках совершали в обнажённом виде торжественные шествия. После чего, чувствуя дьявола, занимаясь групповым сексом. И, по средневековой легенде, руководил такими церемониями некий *мастер Леонард* — великий магистр шабашей, шеф ведьмовства и чёрной магии. Бокий явно не поскромничал, велел сотоварищам именовать себя так.

— А ты-то кто, я не расслышал? — повторил между тем свой вопрос голый гражданин.

— Я — Астарот, — назвал Коля наобум первое пришедшее ему в голову демонское имя.

И не угадал.

— Как это? — удивился «Фурфур». — Астарот ведь сейчас в бане... — А затем в его пьяненьких глазках промелькнуло понимание ситуации — он даже шуриться перестал. — А какой у нас сегодня пароль? — спросил он.

Такого вопроса — или чего-то подобного — Скрыбин ожидал. Ни слова более не говоря, он рванул к окну, ведшему во двор. Однако Фурфур проявил неожиданную для его состояния прыть: оказался у окна раньше Коли. Тот сразу же отпихнул с дороги этого шута, липкого от пота, а затем схватился за подоконник, намереваясь через него перемахнуть. Но просто так выпускать незваного гостя «великий граф» не собирался.

— Чужой, здесь чужой! Все сюда! — проорал он пьяным голосом, а вдобавок ещё и прыгнул Николаю на спину, явно рассчитывая повалить его.

Но в последнем не преуспел. Младший лейтенант госбезопасности с размаху врезал ему пяткой по голени, и голый гражданин, отпустив Колю, с воплем покатился по полу. Почти непроизвольно Скрябин обернулся и понял, что не рассчитал силу удара. Будь на нем ботинки или футбольные бутсы, его противник, как ни парадоксально, отделался бы более лёгкой травмой. Но, зная, что туфлей на резиновой подошве ударить как следует очень трудно, студент МГУ врезал Фурфуру от души. И теперь обнаружил, что голень пьяного гражданина, за которую тот хватался руками, изогнута под странным углом. Перелом обеих берцовых костей — и большой, и малой — был налицо.

Но это оказалось далеко не всё! После удара мнимый Фурфур ухитрился откатиться к серванту, на котором стояла чёрная чаша со странным барельефом. Сервант покачнулся, когда голый врезался в него, и чаша, стоявшая близко к краю, накренилась и явно начала вибрировать ещё сильнее. А потом крышка с *рыцарской* ручкой полетела вниз — тюкнув голого гражданина по макушке. Тот охнул, в удивлении запрокинул голову, и на лицо его, в раззявленный рот и на незагорелую грудь выплеснулось из чаши *ничто*.

Николай Скрябин не успел понять, что это было за вещество — увидел лишь короткий выплеск чего-то густого, серебристого. А уже в следующий миг тело мнимого Фурфура впитало всю эту субстанцию. Так, должно быть, впитывал кровь прижатый к ране кусок старинной корпии. Голый гражданин зашёлся отчаянным кашлем и принялся обеими руками царапать себе грудь — даже про сломанную ногу позабыл. Его подслеповатые глазки выпучились, и в них заметался, словно пойманный чирик, панический ужас.

Впрочем, никакого раскаяния Скрябин при виде этого не испытал. Не до того ему было. В один прыжок он выскочил из окна и со всех ног понёсся к той части ограды, где с колючей проволоки свисал его ремень. А со стороны бани уже наплывали встревоженные голоса: призыв *голового* там, похоже, услышали.

— 4 —

Цирковой гимнаст не перебрался бы через бетонную стену быстрее, чем это сумел сделать Коля Скрыбин. Даже не ободравшись о колючую проволоку, он соскочил наземь. И, бросив брючный ремень висеть на стальном терновнике, кинулся бежать к белевшему во мраке берёзовому перелеску.

Но до полосы деревьев оставалось ещё три-четыре десятка шагов, когда дачные ворота за спиной у Скрыбина распахнулись. Послышались крики — чуть ли не улюлюканье; и началась самая настоящая канонада: гости Глеба Ивановича принялись палить в беглеца из всех видов имевшегося у них огнестрельного оружия. Несколько пуль просвистело поблизости от Колиной головы, а одна высекла искры из куска кварца у него под ногами. Но, во-первых, в сгустившихся сумерках прицелиться как следует было весьма непросто. А во-вторых, бегал девятнадцатилетний студент МГУ — центрфорвард университетской футбольной команды — очень быстро. Да ещё и по-заячьи петлял на бегу.

Не задетый ни единой пулей, он домчал до перелеска. И, оказавшись там, не сбавил скорости, поскольку выстрелы у него за спиной всё никак не стихали. На своё счастье, в темноте Коля видел хорошо. Так что не рисковал напороться на какую-нибудь ветку или расшибить голову, споткнувшись о древесный корень.

На шаг Николай Скрыбин перешёл лишь тогда, когда все звуки, доносившиеся со стороны дачной коммуны Бокля, сделались глухими и едва различимыми. А, прошагав с минуту, не утерпел: приостановился и, тяжело дыша, оглянулся через плечо.

Небо позади — в той стороне, где располагался дачный посёлок — стало уже иссиня-чёрным. Но низко над деревьями, едва не задевая их, крутился в воздухе полупрозрачный серебристый смерч — похожий то ли на веретено, то ли на детскую юлу.

Часть первая

ИМИТАТОР